

Не перестает удивлять живущая на Бали и сегодня вера человека в живых, но невидимых богов, которые время от времени приходят к людям и находятся среди них, что хоть и нельзя узреть, но можно ощутить. Вероятно, человек желает этого соединения с невидимыми силами, чтобы справиться с невзгодами своего существования. Исходя из подобного представления и следует рассматривать балийский пантеон и его тесное переплетение с человеческим миром во всех формах проявления. Боги Бали - это грани надежды; демоны Бали - грани страха.

27 и 28 марта 1979 года отчетливо проявилось то, что означает для балийца противостояние двух миров, которое он пытается как-то сгладить средствами своей религии. Эка Даса Рудра - одно из таких средств, попытка примирить между собой прошлое и настоящее, смерть и жизнь, страх и надежду и таким путем сделать существование более легким, более приятным и, возможно, более счастливым.

Пути, которые выбирает преданный своей вере ба-лиец, нам непонятны и кажутся даже пугающими. В любом случае они последовательны и свидетельствуют о неумолимой логике в оценке трансцендентных взаимосвязей, проявляющихся не только в индуизме, но и в буддизме. Человек поставлен здесь в систему соотносимых понятий, от которой он не может отойти даже в случае смерти, служащей выходом из одной формы существования и переходом в другую, определяемую предыдущей жизнью.

Неизбежность - одна из сторон балийской жизни. Однако в отличие от ислама, который полностью смиряется с неизбежностью, определяемой словом «кисмет» («судьба», «предопределение»), здесь как для отдельного человека, так и для общины признается возможность постоянно влиять земными человеческими действиями на внеземную сферу. Так возникла схема индо-балийской веры. Она базируется на нескольких основных образцах поведения, которым подчинено балийское существование во всех его формах проявления. Наша жизнь состоит из жертвоприношений и благословений. Этому круговороту мы посвятили себя,- так утром 27 марта 1979 года, сформулировал философию, балийской веры один брахман, объясняя нам, европейцам, наиболее трудное для нашего понимания событие Эка Даса Рудры. Жертвоприношения и благословения, иными словами, готовность отдать и принять - вот кредо балийской жизни.

Тот, кто родился, рожден заново под влиянием своей предыдущей жизни. Представление о некоем спасителе, как учит христианство, не относится к балийской картине мира. Спасения как такового здесь не существует. Не находит места в балийской религии и мысль о буддийской нирване. Здесь имеются лишь пути вверх и вниз, путь на небеса богов и путь в низшее, животное состояние, подняться из которого и родиться заново человеком можно с большим трудом. Но такая возможность имеется, существования без всякой надежды нет. Не исключено, что эта мысль легла в основу ритуала принесения в жертву животных. Этот суровый ритуал, свидетелями которого мы стали 27 марта, берет свое начало в доиндуистской истории острова. Жертвоприношение, как объяснила нам, делается с одной целью: дать приносимому в жертву животному возможность родиться заново, и на этот раз человеком.

Таким образом, не бесчувственность и жестокость и не страх перед собственной бедой служат причиной принесения человеком в жертву животных, а лишь мысль о возвышении всего живущего, сглаживание противоречий между верхом и низом, между

надеждой и сомнениями, между богами и демонами. И все же это большое жертвоприношение, «мапепада», - по сути дела, жертва злым Духам и демонам, подземным силам, влияние которых Должно быть ограничено и приведено в равновесие с силами добра.

Не одну неделю охотники на Бали и соседних островах старались поймать и доставить в Бесаких по экземпляру всех видов животных, встречающихся в Индонезии. И вот утром 27 марта 1979 года на кухню храма было доставлено свыше шестидесяти животных - лишь незначительная часть фауны.

Опасные животные, такие, как тигр и крокодил, находились в деревянных ящиках; олень и антилопы были заперты в клетках; крупный рогатый скот стоял привязанный к деревянным столбам; кошка и собака мучились на коротких поводках; свиньи визжали, привязанные за ноги к бамбуковому шесту; прилетевший из Австралии орел рвался на волю, делая отчаянные попытки улететь, - увы, цепь крепко держала его за ногу.

Храмовая кухня превратилась в своеобразный зоопарк, обитатели которого в муках проводили здесь свои; последние часы. Преисполненный страха взгляд антилопы, лежавшей в клетке, придавленной бамбуковой решеткой, выражал то, что и должен выражать взгляд: пойманного, лишеного всякой возможности двигаться животного. Однако балийцев, поглощенных изготовлением украшений для - храма и жертвоприношений, это не очень трогало, ибо им все это видится в ином свете. Для них последние мучительные часы животных - время перехода в другую, лучшую, счастливую жизнь. Ведь они рассматривают пойманных и ожидающих своей участи животных как самых привилегированных экземпляров вида, ибо они не только получили возможность участвовать в величайшем празднике века, но и смогли извлечь из всего этого неслыханную пользу для своего будущего; существования. Им предстоит самое прекрасное, что только может представить себе балиец: стать человеком; на этом острове.

Уже рано утром 27 марта сотни машин и прочих видов транспортных средств прибывали на большую авто- стоянку, расположенную на площадке ниже храма. Час за часом бесконечные вереницы балийских женщин, несущих жертвоприношения, поднимались к храму. Слышны были шарканье их шагов, тихая речь, прерываемая резкими голосами, звучавшими иногда из громкоговорителя организационного комитета, который разместился в специально оборудованном для этого павильоне. Там же мы облачились в саронги и повязались набедренным' поясом, чтобы иметь возможность принять участие в церемониях.

На центральном командном посту огромного предприятия все планируется, как в генеральном штабе, и хотя проходит с определенными трудностями и задержками, но согласно ритуальному предписанию. Кажущаяся туристу вольной балийская жизнь на самом деле подчинена строгому распорядку, включена в систему координат магических ритуалов, которым они следуют неукоснительно.

27 марта 1979 года к восходу солнца в Бесаких на мапепаду собрались тысячи людей. Они поднимались вверх по улице и затем по покрытым белой материей крутым лестницам к Воротам смерти и, проходя через них вступали на территорию Пура Панатаран Агунга, Жрецы принимали жертвоприношения, освящали их и окропляли паломников тиртхой. Сотнями они становились на колени в алтаре - святая святых Бесаких. Когда жоэпы пели свои заклинания, пришедшие поднимали сложенные над головой ладони, повторяли жесты с цветами, зажатыми между средним и указательным пальцами',

пребывая в молчаливом благоговейном раздумье, затем забирали обратно свои жертвоприношения и, не глядя на происходящие рядом обряды, спускались вниз, выходили из храма и после короткого пикника уезжали домой. Таким образом, внешние рамки праздника как бы составляли исполняющие роль статистов бесчисленные массы жителей Бали, придающих ритуалу значение, фон и авторитет.

Наряду с элементом постоянного движения здесь присутствовали и статические элементы - гамелан, помощники жрецов и множество светских помощников. У всех у них была в ритуале определенная миссия, и они терпеливо ждали своего часа, потом их сменяли новые группы. Все это совершалось в безукоризненном порядке, как хорошо подготовленный спектакль театра марионеток, как представления ваянга, заполняющие время между поздним вечером и утренней зарей: праздничные дни в Бесаких, в соответствии с балийским ритуалом, не дают участникам никакого перерыва для отдыха.

В священной кухне, заполненной криками животных, в это время заняты приготовлением последней пищи для подготовленных к жертвоприношению животных, которым она должна помочь родиться заново и обрести желанную, человеческую жизнь. Жрецы делят животных по их мифическому местоположению, чтобы отметить соответствующими цветными платками. Так, белая корова, как священное животное высшего бога, получает белый платок Шивы, орел - черный платок Вишну, поскольку, согласно индуистской мифологии, Вишну летал на сказочной птице Гаруде. В соответствии с цветом платка животным определяется место, на котором они должны умереть после совершения трех кругов вокруг храма.

По громкоговорителю дают указания по формированию процессии, которая теперь на кухне храма получает свою, определенную ритуалом очередь. Так, в отдельные группы собрались носильщики тигра, крокодила и змей; те, кому предстоит провести вокруг храма крупный рогатый скот, лошадь и четвероногую дичь; те, кто понесет клетки с птицами, сумки с мелкими животными и насекомыми. Здесь из корзины достают роскошного павлина, там ведут собачку или из клетки выпускают дикую кошку и надевают на нее поводок. Возня, которая со стороны напоминает скорее рынок, где торгуют животными, чем священный обряд, занимает все предполуденное время.

Громкие удары гонга отделяют одну часть церемонии мапепада от другой. Их всего четыре. О первой уже сказано - это определение соответствующего животному цвета и последующее разделение их на группы. Она уже закончена. Во второй части животных в порядке очередности вводят в большой центральный двор храма Пура Панатаран Агунга, и жрецы окропляют их специально предназначенной для этой церемонии тиртхой. Теперь животные готовы для великого освящения, осуществляемого двумя жрецами и сопровождаемого пением и жертвоприношениями, причем животных ритуально очищают и кормят кусочками жертвоприношений. Священный обряд сопровождают звуки гамелана.

В третьей части церемонии процессия со всеми предназначенными для жертвоприношения животными совершает тоекратный обход вокруг главного храма. Два жреца шагают впереди и ведут одетого в черное и красное представителя корпорации «панде» (кузнецов), который обеими руками держит обнаженный меч для совершения обряда. Его ведут потому, что часто при таких ; обрядах эти главные исполнители, придя в состояние транса, падают. .И кузнец, который сегодня выступает в роли палача, не столько идет, сколько плывет впереди своих жертв, производя впечатление глубоко погруженного в себя человека. Когда процессия из-за

непривычных для животных крутых лестниц, по которым их ведут, время от времени приостанавливается, сопровождающим приходится силой удерживать его на месте. Священный меч, который он держит, принадлежит к самым древним реликвиям Бесаких, хранящимся в Пура Рату Панде.

За кузнецом несут покрытый белой материей символ душ всех животных, приносимых сегодня в жертву.

С этим символом для балийца связано желание возрождения на более высоком уровне.

Непосредственно за мужчиной, несущим символ душ, следует бык, которого ведут для кровавого жертвоприношения. Это одиннадцатый бык, если считать десятерых, принесенных в жертву на море, в озерах и в кратерах вулканов. На нем белая попона (цвет Шивы). Он, одиннадцатый представитель своего вида, как бы принял это магическое число. Одиннадцать быков для одиннадцати проявлений высшего божества - Сангхьянг Видхи, а также для священного триединства - Шива, Брахма, Вишну - и, наконец, для одиннадцати Рудр. Все это показывает, как глубоко укоренился в сознании балийцев высокий смысл этой процессии, внешне мало похожей на священную. За быком следует гамелан, отбивающий дикие ритмы, которые выражают заключительный аккорд этой процессии - сознание неизбежной смерти и новое рождение.

Трижды, слева направо, и каждый раз поднимаясь по покрытой белой материей лестнице к главному святилищу, процессия огибает центральную часть храма. Над важными по своему мифологическому значению животными - белой коровой и орлом - во время процессии несут священные зонты, которые должны подчеркивать разницу между безымянными созданиями и существами, связанными с богом. После третьего круга, центром которого был святая святых - алтарь в Пура Пантаран Агунге - кузнец «убивает» всех бывших в процессии животных, символически занося над ними священный меч. Это должно еще раз показать богам, что торжественно введенные в храм животные принесены в жертву в соответствии с ритуалом очищения и этих животных, и всех, участвовавших в ритуале, и сделать возможным для них новое, желанное рождение.

После этого символического умерщвления животных доставляют к месту жертвоприношения, и теперь начинается четвертая, наиболее важная в Эка Даса Рудре часть церемонии мапепада. В соответствии с богами, с которыми связаны разные виды животных, определяются места жертвоприношений внутри храма и вокруг него, восемь небесных направлений, центр, а также зенит и надир являются установленными священным космосом местами, где должны состояться жертвоприношения. Поэтому, чтобы подтвердить соответствие Эка Даса Удре и одиннадцати богам, животных, которых будут приносить в жертву вокруг храма, делят на одиннадцать групп. Белой корове, гусю и утке отведено место с восточной стороны храма, пестрой корове - с южной, собаке - с юго-западной, быку - с западной, антилопе - с северо-западной, лошади - с северо-восточной, обезьяне и орлу - с северной стороны - это все направления Вишну.

Животных, приносимых в жертву во внутренней части храма, также делят на одиннадцать групп: птицы - на северо-востоке, рептилии - на западе, рыбы - на севере. Жукам определен зенит, мухам и другим летающим насекомым - центр, змеям - надир и т. д.

Надо сказать, что форма принесения в жертву животного здесь иногда лишена

ожидаемого священного достоинства. Так, двухметрового крокодила, заключенного в деревянный ящик, относят к «джанди бентар», распахнутым воротам, символизирующим место смерти и тем самым путь в новую жизнь, и, не открывая ящик, начинают испуганно тыкать острыми железными прутьями в отверстия. Приблизительно так же выглядит принесение в жертву тигра. Мы наблюдаем не укладывающееся ни в какие рамки, лишенное всякой религиозной торжественности действие по убою животных, которое полностью выпадает из общего, носящего торжественный характер праздника нового века. Здесь не чувствуется даже атавизма, дикости и первобытности, которые могли бы проявиться в сохранении и воспроизведении жертвоприношения такого числа животных. Человек у громкоговорителя отдает распоряжения, и команда палачей, которым уже безразличны таинство и культовое содержание ритуала, хладнокровно осуществляет убийство.

Вызывает сомнение, нужны ли подобные реликты в столь изменившемся окружающем мире. Тот, кто сегодня на Бали носится по улицам на мотоцикле, не испытывает тех чувств благоговения и трепета перед окружающим миром, которые испытывал его предок, живший в ритме природы и в постоянном общении с животными. Прежде жертвоприношение было продуманной и взвешенной частью всей жизни, которую сегодня нельзя воссоздать даже с помощью праздничного великолепия Эка Даса Рудры и подобных больших празднеств.

Именно принесение в жертву животных в Бесаких сделало это несоответствие, это нарушение единства мироздания, называемого Бали, таким очевидным. Если некоторые из жертвоприношений, например принесение в жертву белой коровы, орла и антилопы, проводились в полном соответствии с древним ритуалом, причем выполнявший жертвоприношение полностью осознавал, что совершает ритуальный обряд, то сцены бойни не имели ни малейшего отношения к первоначальному значению обряда. Только расчленение жертвенных животных вновь проявляет древний смысл жертвоприношения. Шкуру аккуратно снимают и раскладывают вместе с головой и ногами, как будто животному еще раз хотят придать его прижизненную форму. Балиец называет эти сложенные, повторяющие очертания животного части «винанган урип». Мясо нарезают на мелкие куски и используют для других жертвоприношений богам, связанным с мапепада. Так, перед бамбуковым храмом у основания Бесаких выставляют принесенную в жертву свинью. Над головой как бы смотрящей вниз свиньи образуют из шампуров подобие звезды. На шампуры нанизывают кусочки свиного мяса, символизирующие ушедшую жизнь.